

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1

2020

М. В. Шкаровский

Единоверческие общины Санкт-Петербурга (Ленинграда) в 1900-е — 1930-е гг.

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10013

Аннотация: Первые единоверческие общины возникли в России в 1780-х гг., а в Санкт-Петербурге — в 1799 г. В 1867 г. в столице насчитывалось около двух тысяч единоверцев, к началу XX в. их численность превысила три тысячи человек. Число же храмов в это время в Санкт-Петербургской епархии составляло около 20. Вскоре после Октябрьского переворота 1917 г. начались репрессии единоверцев и закрытие их церквей. При этом единоверцы активно участвовали в оппозиционном советской власти иосифлянском движении. Последний единоверческий храм в Ленинграде — Никольский собор — закрыли в 1932 г. В целом в советское время, в связи с массовыми гонениями на Церковь и на старый уклад жизни, единоверие почти исчезло. В начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге была возрождена единоверческая община, которой передали только одну часовню Никольского храма на ул. Марата. Еще одна община в 1990-е гг. была создана в поселке Павлово-на-Неве.

Ключевые слова: единоверцы, Санкт-Петербург (Ленинград), Русская Православная Церковь, репрессии.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.
E-mail: shkarovs@mail.ru

Ссылка на статью: Шкаровский М. В. Единоверческие общины Санкт-Петербурга (Ленинграда) в 1900-е — 1930-е гг. // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 153–173.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2020

Mikhail V. Shkarovskiy

Co-religionists Communities of St. Petersburg (Leningrad)
in the 1900s – 1930s

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10013

Abstract: The first co-religionist communities (edinoverie) appeared in Russia in the 1780s, and in St. Petersburg – in 1799. In 1867 in the capital there were about two thousand co-religionists, by the beginning of the 20th century their number exceeded three thousand people. The number of churches at that time in the diocese of St. Petersburg was about 20. Soon after the October revolution of 1917, started were the persecution of believers and closure of their churches. The fellow actively participated in the opposition of Soviet power Iosiflianian movement. The last church of co-religionists in Leningrad – St. Nicholas Cathedral was closed in 1932. In General, in Soviet times, in connection with the mass persecution of the Church and the old way of life, the faith almost disappeared. In the early 1990s in St. Petersburg revived was the co-religionist community, which gave only one chapel of St. Nicholas Church on the Marata street. Another community in the 1990s was established in the village of Pavlovo-on-Neva.

Keywords: Co-religionists, St. Petersburg (Leningrad), Russian Orthodox Church, repressions.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovskiy**

Doctor of Historical Sciences, Professor of the St. Petersburg Theological Academy, Professor of the Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Chief archivist of the Central State Archive of St. Petersburg.

E-mail: shkarovs@mail.ru

Article link: Shkarovskiy M.V. Co-religionists Communities of St. Petersburg (Leningrad) in the 1900s – 1930s. *Khristsianskoye Chteniye*, 2020, no. 1, pp. 153–173.

Первые единоверческие общины, прихожане которых при сохранении «старых» (донионовских) обрядов, богослужебных чинов и древнерусского бытового уклада признавали иерархическую юрисдикцию Российской Православной Церкви, возникли в 1780-х гг. Форма присоединения старообрядцев к Российской Церкви была подробно регламентирована «пунктами о единоверии», составленными митрополитом Московским Платоном (Левшиным), утвержденными императором Павлом I 27 октября 1800 г. Термин «единоверие» также был введен митрополитом Платоном [Саранча, Миролюбов, 2008, 42].

Петербургские единоверцы в большинстве состояли из мещан и купцов, в основном костромичей и ярославцев по происхождению. В 1867 г. в столице насчитывалось около двух тысяч единоверцев, к началу XX в. их численность превысила три тысячи человек. В 1798 г. купцу Ивану Ивановичу Милову было разрешено создать первый в столице единоверческий храм, который устроили в жилом доме купца на Захарьевской улице. Престол церкви был освящен 29 июня 1799 г. во имя свт. Николая Чудотворца — по просьбе императора Павла I. На освящении храма собралось значительное количество старообрядцев. Через год церковь лично посетил Павел I. Император отстоял Божественную литургию и по окончании ее преподнес приходу икону свт. Николая Чудотворца древнего письма. Процесс становления и развития первой единоверческой общины был сложен и неоднозначен. Выявились разные подходы в решении приходских проблем. В то же время приход расширялся, и в домовом храме стало тесно [Шульц, 1994, 325].

Летом 1817 г. прихожане Миловской церкви раскололись на две партии. Глава одной из них — купец Козьма Захарович Чурсинов, получив доверенность от общества столичных единоверцев, 29 апреля 1817 г. подал митрополиту Санкт-Петербургскому Амвросию прошение о разрешении построить новую церковь на принадлежавшем ему участке земли. 14 мая 1819 г. князь А. Н. Голицын объявил Святейшему Синоду о дозволении императора Александра I устроить в Санкт-Петербурге вблизи Московской Ямской слободы общую городскую единоверческую церковь. В том же году план церкви был утвержден императором. Проект здания с одноколонным дорическим портиком и угловыми часовнями в стиле позднего классицизма разработал известный петербургский архитектор А. И. Мельников [Антонов, Кобак, 2010, 394].

Постройка церкви началась 20 августа 1820 г. и была окончена вчерне в 1827 г. Здание церкви имеет крестообразную форму с большим куполом в центре и четырьмя малыми по бокам. Освященный многими окнами интерьер оформлен 32 коринфскими колоннами желтого стюка с золочеными капителями и выносным карнизом. Круглая в плане колоннада поддерживает обходную галерею верхнего яруса, где молились женщины. Первый (правый) престол во имя Тихвинской иконы Божией Матери был освящен 7 августа 1827 г. архим. Платоном, главный престол во имя Преображения Господня освящен 14 июня 1831 г., левый во имя Николая Чудотворца — 24 июля 1838 г. Таким образом, строительство церкви фактически велось 18 лет. В 1832 г. в ограде были построены две часовни в память избавления города от холеры. На хорах помещался придел во имя Сошествия Святого Духа, устроенный купцом В. Томилиным и освященный 27 мая 1828 г. Придел во имя прп. Антония Великого был сооружен на пожертвования Антона Халезова и освящен 15 января 1866 г. [Шульц, 1994, 325–326].

Колокольни при церкви не было. Десять колоколов помещались в двух малых куполах. В 1868 г. архитектор М. А. Щурупов отреставрировал интерьер, пристроил притвор и пробил дополнительные окна, а в 1889 г. создал проект придела ап. Иродиона. Для создания главного иконостаса церкви были приглашены известные московские иконописцы — сын и отец М. С. и В. М. Пешехоновы. В храме хранилось много икон древнерусского письма, в основном псковской и новгородской школ, старопечатных книг, в том числе Евангелия, напечатанные при патриархах Филарете и Иосифе, «Апостол» Ивана Федорова 1574 г., антиминсы, священнодействовавшие при патриархе Иосифе в 1644 г., а также образцы золотого шитья царских мастерских XVI–XVII вв.

В приходе не только совершались уставные службы, но активно велось благотворительное, просветительское и общественное служение. Так, в период эпидемии холеры в 1832 г. верующие добровольно ухаживали за больными, оказывая им приют в приходских помещениях. Невзирая на опасность заразиться, о болящих заботился лично староста прихода, который впоследствии стал одной из жертв эпидемии [Антонов, Кобак, 2010, 394].

Никольская церковь на Николаевской ул. (ныне ул. Марата, 24а) сразу стала главным единоверческим храмом Санкт-Петербурга. После ее постройки к ней приписали Миловскую церковь. Но в 1844 г. община последней была преобразована в приходскую и в связи с этим получила разрешение на постройку отдельного храма. Дочь И. И. Милова Мария Ивановна Морозова подарила землю для строительства. 8 июля 1845 г. состоялась закладка храма, и в 1845–1852 гг. архитектор Н. Е. Ефимов построил рядом с домом купца каменную Никольскую церковь (Захарьевская ул., 18), которая в народе также именовалась Миловской. Ее освящение произошло 6 мая 1853 г. Церковную ограду и сторожку со стороны Захарьевской ул. возвели в 1870 г. по проекту архитектора М. А. Шурупова [Антонов, Кобак, 2010, 393].

Другие единоверческие храмы столицы, в основном, находились на кладбищах. Так, в 1800 г. единоверцам передали участок Волкова поля, на котором была воздвигнута деревянная Сретенская церковь с колокольной, освященная 27 января 1801 г. Вокруг нее возникло Волковское (Волково) единоверческое кладбище, где в 1813–1818 гг. архитектор В. И. Беретти построил на средства прихожан каменную церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с колокольной, освященную 5 мая 1818 г. В 1835–1836 гг. здание храма расширили по проекту архитектора А. И. Мельникова, а 3 июня 1843 г. в нем был освящен второй придел — святого пророка Илии. В 1899 г. в совместном приходе Сретенской и Благовещенской церквей состояло 312 прихожан: 115 мужчин и 197 женщин. 25 февраля 1901 г. на втором этаже здания богадельни имени П. Ф. Филиппова на Волковом единоверческом кладбище была освящена небольшая домовая церковь святого пророка Илии (см.: [Простосердов, 1916]).

В 1803 г. купец И. И. Милов купил для единоверческой общины участок Большеохтинского кладбища. Здесь в 1808 г. возникло единоверческое кладбище (ныне пр. Металлистов, 5), где в 1845–1853 гг. была сооружена Димитровская церковь, в 1854 г. — Покровская церковь, а в 1896–1902 гг. — Мариинская церковь. В 1850 г. вблизи кладбища на Единоверческой (ныне Партизанской) ул., 13, появилась Анастасиинская богадельня Тарасовых, при которой 1 февраля 1868 г. была освящена церковь Алексея человека Божия. Главный жертвователь их создания Н. С. Тарасов являлся богатым строительным подрядчиком — выходцем из Костромской губернии [Шульц, 1994, 326; Антонов, Кобак, 2010, 392]. В 1907 г. прихожане трех церквей при кладбище — Покровской, Димитриевской и Мариинской избирали своим старостой известного единоверческого деятеля купца Ивана Григорьевича Сандина. При его участии был построен большой каменный дом для духовенства этих трех церквей и обновлен деревянный Покровский храм.

Единоверцы вели активную общественную и благотворительную деятельность: с 1850 г. существовала упоминавшаяся Анастасиинская богадельня для 50 престарелых уроженцев Охты, с 1891 г. — богадельня при Никольской (Миловской) церкви, с 1903 г. — мужская и женская богадельни имени П. Ф. Филиппова на Волковом единоверческом кладбище; при Никольской церкви работали богадельня для престарелых прихожан, лазарет, мужское реальное училище имени цесаревича Алексея (с 1907 г.) и женская гимназия (с 1913 г.), где обучались единоверцы, старообрядцы и православные.

В 1899 г. в Никольском приходе на Николаевской ул. состояло 2460 человек: 968 мужчин и 1492 женщины. 2 июня 1908 г. при этом храме было создано Петербургское единоверческое братство. В 1910 г. в нем состояло 106 членов (четыре почетных, 40 пожизненных, 62 действительных). Среди 63 первоначальных учредителей

братства были два священника, шесть дворян, 14 потомственных почетных граждан, 15 купцов, шесть ремесленников, два мещанина и 18 крестьян.

Братство имело пять регулярно собиравшихся комиссий (храмовую, благотворительную, школьную, книжную и кружечную), обладало крупным капиталом и руководило мужским реальным училищем, женской гимназией и изданием единоверческого журнала. Председателем совета братства был присяжный поверенный А. А. Папков. В совет также входили видный политический деятель, гласный городской думы, генерал-лейтенант Н. Ф. Гейден, известный ученый князь А. А. Ухтомский, но преобладали в братстве купцы.

В Никольском приходе были созданы оригинальные педагогические программы, в которых сочетались древнерусские традиции и современные научные достижения. Возглавлял эту работу староста церкви — выдающийся ученый-физиолог, академик (с 1935 г.) Алексей Алексеевич Ухтомский. При церкви также существовала единоверческая редакция, где печатались церковные книги и журнал «Голос Церкви», работало хранилище древнерусской книги. Приход поддерживал тесные связи с императорской династией Романовых. Так, единоверческий хор мужского реального училища ежегодно принимал участие в совершении Божественной литургии по древнему чину в храме Зимнего дворца. Само же училище патронировала императрица Александра Федоровна (см.: [Исторический очерк, 1867]).

Помимо столичных храмов, к началу XX в. в Санкт-Петербургской епархии было еще пять единоверческих церквей — две в Лужском уезде: Георгиевская в с. Болотское и Никольская в с. Кубасово, а также три в Новолadoжском уезде: Димитриевская в с. Бор, святых первоверховных апостолов Петра и Павла в с. Петропавловское и Никольская в с. Немятово. Общая численность их прихожан составляла около трех тысяч человек, в том числе в Георгиевской церкви 227 дворов, 568 мужчин и 646 женщин; в Никольской с. Кубасово — 57 дворов, 138 мужчин и 144 женщины; в Петропавловской — 98 дворов, 102 мужчины и 127 женщин; в Никольской с. Немятово — 132 двора, 352 мужчины и 384 женщины.

В начале XX в. единоверие Санкт-Петербурге и России в целом получило новый импульс, его развитие в первые два десятилетия было связано с деятельностью священномученика первого единоверческого епископа Симона (Шлеева; до монашеского пострига — Симеона). Родился будущий святитель в 1873 г. в селе Явлей Алатырского уезда Симбирской губернии в семье старообрядца-беспоповца Ивана Григорьевича Шлеева. 11 апреля 1876 г. он вместе с семьей был присоединен к Российской Православной Церкви на правах единоверия, и в том же году его отец стал единоверческим священником. В 1889 г. Семен окончил Лысковское духовное училище Нижегородской епархии, в 1895 г. — Нижегородскую духовную семинарию, а в 1899 г. — Казанскую духовную академию, и в том же году женился [Краткий очерк, 2014, 14].

17 января 1900 г. он был рукоположен во иерея к единоверческой церкви Четырех Евангелистов г. Казани. 7 февраля 1905 г. отец Симеон был переведен в главную единоверческую церковь Петрограда — храм свт. Николая Чудотворца на Николаевской улице. Священник возглавил движение за реформирование единоверия в России. Его проект заключался в том, что для выхода из кризиса предлагалось поставить самостоятельного единоверческого епископа, который должен был стать главой всех единоверцев России, представлять их интересы в Святейшем Синоде и находиться в его подчинении. Этот проект подавался дважды. В первый раз в мае 1905 г. три столичные единоверческие общины обратились к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву с прошением о хиротонии единоверческого епископа, но тот посоветовал не торопиться. Второе обращение последовало в 1907 г. уже от 120 единоверческих приходов 31 епархии, но также закончилось неудачей [Бродский, 1906, 909–910; РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 930].

Эта мысль проходила красной нитью через книги о. Симеона. По сути, он вернулся к чаяниям староверов конца XVIII в., искавших компромисса с Российской Церковью. Однако даже этот вариант казался многим представителям церковной

общественности неприемлемым. Некоторые из них считали данный проект проявлением сепаратизма и шагом к разрыву единоверцев с Российской Церковью, священника приравнивали к И. Т. Верховскому и даже называли «раскольником». И все же о. Симеон пользовался значительным уважением и авторитетом в делах, касающихся единоверия. В 1910-х гг. он стал лидером и выразителем интересов большей части «искренних» единоверцев в масштабах всей страны [Палкин, 2016, 264]. Показателем нарастающей сплоченности единоверцев и осознания ими своей идентичности может служить тот факт, что они довольно активно участвовали в общественно-политической жизни страны. Так, в ходе Первой русской революции единоверцы занимали консервативные позиции, а требование рукоположения епископа входило в их политический манифест [Голос православных старообрядцев-единоверцев, 1906].

В революционный 1906 год о. Симеон Шлеев участвовал в работе VI отдела Предсоборного Присутствия, рассматривавшего вопросы внутренней и внешней миссии: о единоверии, старообрядчестве и сектантстве. 8 октября 1907 г. он открыл реальное училище и в дальнейшем работал его директором и законоучителем. 22 ноября 1907 г., после избрания прихожанами, о. Симеон был утвержден правящим архиереем в должности настоятеля Никольской церкви. В 1908 г. во многом именно он создал Петербургское единоверческое братство и был избран товарищем председателя братства. В том же году пастырь участвовал в работе IV Киевского миссионерского съезда, на котором был секретарем второго отдела, посвященного проблемам единоверия.

В 1912 г. мужскому реальному училищу было присвоено имя цесаревича Алексея. В газетах того времени отмечалось: «[14 октября] в 2 часа дня при торжественной обстановке состоялось освящение нового здания реального училища при Единоверческой Никольской церкви, с присвоением ему имени наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. Мысль об открытии светского учебного заведения при храме принадлежит настоятелю единоверческого храма о. С. Шлееву. Первоначально училище возникло в церковном доме, где четыре года назад обучались всего лишь десять учеников; ко дню освящения здания состоит 318 человек» [Новое время. 1912. 15 октября].

16 апреля 1913 г. воспитанники училища вместе со своим директором и другими членами причта Никольской церкви были приглашены «петь Пасху» у Николая II. В газетах об этом событии сообщалось так: «16 апреля, в третий день праздника Святой Пасхи Его величеству государю императору в Царскосельском Александровском дворце, в малой библиотеке в 2 часа дня имели счастье приносить поздравления единоверцы города Санкт-Петербурга. Настоятель единоверческой Никольской церкви о. Шлеев с причтом и певчими церкви и церковным старостой князем А. А. Ухтомским получил милостивое разрешение пропеть „Пасху“. Государь император изволил слушать единоверческое, совершенное по-гречески и славянски, песнопение вместе с наследником цесаревичем и великим князем Алексием Николаевичем и августейшими дочерьми великими княжнами Ольгой Николаевной, Татианой Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной. Затем государь император христосовался с членами депутации и принял новые печатные издания отца Шлеева, а великая княжна Ольга Николаевна изволила оделять приносивших поздравления пасхальными яйцами. В числе депутации, кроме членов причта и старосты, были два воспитанника Санкт-Петербургского единоверческого реального училища имени цесаревича Алексея. Государь император милостиво расспрашивал о названном училище, этом пока единственном в России при православном храме среднем учебном заведении, директора училища — настоятеля отца Шлеева» [Колокол. 1913. 18 апреля].

В ходе приема о. Симеон обратился к Николаю II со словами: «Ваше Величество! В истории многострадального единоверия нынешний день да будет записан золотыми буквами. Сегодня единоверцы в третий раз молились в присутствии своих венценосных царей. В первый раз при императоре Павле I, второй при прадеде Вашего величества Николае I. Первые два раза сопровождались благотворными последствиями

для православного старообрядчества. Существование единоверия в Санкт-Петербурге и Черниговской губернии обязано им. Милостивое внимание Вашего величества к старому чину и пению, а равно и к древнему церковному зодчеству, о чем свидетельствует вновь выстроенный храм Сводного полка Вашего величества, наполняет наши сердца неизреченною радостью и окрыляет надеждою, что единоверие, наконец, получит соответствующее своему назначению устройство и явится могучим средством к религиозному объединению русских людей. Аминь» [Колокол. 1913. 18 апреля]. В следующем 1913/1914 учебном году количество обучающихся в реальном училище достигло 400 человек.

Под руководством о. Симеона Никольский приход принял активное участие в движении за возвращение в русские святцы имени благоверной великой княгини инокини Анны Кашинской. После вторичного ее прославления в 1909 г. в благодарность приходу была подарена икона святой княгини с частицей ее мощей (в настоящее время мощи хранятся у настоятеля прихода священноиерея Петра Чубарова). В 1916 г. в храме был освящен шестой придел — святой благоверной княгини Анны Кашинской. В 1910 г. была предпринята неудачная попытка превратить Никольскую церковь в единоверческий собор, что удалось позднее — в 1919 г.

Важнейшим событием в жизни единоверцев Санкт-Петербурга и России начала XX в. стало проведение 22–30 января 1912 г. в столице Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев), организатором которого был о. Симеон Шлеев. Наряду с архиепископами Волынским Антонием (Храповицким), Финляндским Сергием (Страгородским), заведующим единоверческими церквями Санкт-Петербургской епархии епископом Гдовским Вениамином (Казанским), некоторыми другими единоверческими священнослужителями Санкт-Петербурга, старостами и попечителями столичных храмов он был избран в состав подготовительной комиссии съезда, а затем и его почетным секретарем [Летопись: *Сандин*, 2013, 58].

Председательствовал на съезде архиеп. Антоний (Храповицкий). В повестку дня работы съезда входили следующие вопросы: пересмотр правил единоверия; богослужение в единоверческих церквях; организация общества единоверцев и общего управления единоверием в России; вопрос о клятвах Московских Соборов XVII в.; проблема привлечения в лоно Православной Церкви старообрядцев-поповцев и представителей других согласий. В своем обширном докладе о. Симеон Шлеев говорил о необходимости единоверцам иметь собственных епископов и, следовательно, получить большую самостоятельность, однако положительно этот вопрос был разрешен только в 1918 году. 31 января 1912 г. группа депутатов съезда была принята императором Николаем II. На этой встрече владыкой Антонием был поднят вопрос об официальном наименовании единоверцев «православными старообрядцами» [Саранча, Миролубов, 2008, 47].

По составу участников и обсуждаемым проблемам это собрание православных иерархов, единоверческого духовенства и мирян занимает особое место в истории всей Русской Церкви. И сегодня можно извлечь практическую пользу из многих докладов и проектов, которые были озвучены на съезде: о подготовке кандидатов на должности священнослужителей, о приходском устройстве и уставности богослужения, об организации обучения знаменному пению. В ходе заседаний были избраны члены проектируемого Совета Всероссийских съездов православных старообрядцев (единоверцев), который начал свою работу только в 1917 г. (см.: [Труды Первого съезда, 2012]).

После полемики, в ходе которой рассматривалась возможность четырехголосного пения в храмах, съезд вынес резолюцию, подтверждающую, что унисонное крюковое пение является единственно правильным для единоверческих церквей и певческих школ. Достаточно болезненным для единоверцев был вопрос архиерейского служения по старому чину. Для введения единообразия съездом было принято решение повсеместно за богослужением применять древний архиерейский чиновник, изданный типографией Московской Троице-Введенской единоверческой церкви в 1910 г. на основе рукописи XVI века [Краткий очерк, 2014, 22].

В единоверии имелось немало приходов, где богослужения отличались изысканной красотой совершения службы. В особенности это можно было сказать о петербургском Никольском храме на Николаевской ул. В статьях автора журнала «Правда православия» С. Григорьева имеется много ценных подробностей о совершении богослужения в этом храме в начале XX в. В них говорится, что в 1908 г. в Никольском храме неоднократно совершал богослужение священномученик еп. Кирилл (Смирнов), будущий митрополит Казанский, в то время викарий Санкт-Петербургской епархии, окормлявший единоверческие приходы. В частности, владыка Кирилл служил в Крещенскую ночь. Всенощное бдение на этот праздник началось нефимом — великой павечерницей в 10 часов вечера, и затем сразу же служилась заутреня, Божественная литургия, где сам еп. Кирилл совершил водоосвящение по древнему чину. По словам С. Григорьева, эта служба закончилась, когда город уже просыпался. 10 апреля, в Великий Четверток того же 1908 г., еп. Кирилл совершил здесь редкий обряд омовения Престола. Этот чин вместе с следовавшей литургией Василия Великого продолжался в течение десяти часов, с 4 утра до 14 часов дня. Владыка Кирилл служил в храме и на Духов день. Хор Никольского храма отличался многочисленностью и высоким исполнительским мастерством. Певчие разных поколений — юные воспитанники училища имени цесаревича Алексея, взрослые певцы и даже опытные старцы — украшали богослужение своим пением [Краткий очерк, 2014, 21–23].

Через полтора года после завершения работы Первого Всероссийского съезда, 27 августа 1913 г., отец Симеон Шлеев открыл полноправную женскую гимназию при Петербургском единоверческом братстве, став председателем ее педагогического совета и директором. В период участия России в Первой мировой войне (1914–1917 гг.) он также был председателем попечительского совета о войнах и их семьях. С 1916 г. отец Симеон еще более расширил круг своих образовательных программ и открыл при единоверческом реальном училище «частные общеобразовательные курсы для лиц обоего пола, христианского вероисповедания, для подготовки на аттестат зрелости, за курс реальных училищ и кадетских корпусов, за различные классы учебных заведений, на первый классный чин, аптекарского ученика и на разные учительские звания», проявляя заботу и о повышении образовательного уровня взрослых, прежде всего прихожан Никольского храма. Как и в случае с реальным училищем, основу педагогического состава курсов составили сами члены братства [Краткий очерк, 2014, 16].

В 1916 г. отец Симеон овдовел. После избрания единоверцами Петрограда и докладной записки епископа Ямбургского Анастасия (Александрова) от 17 января 1917 г. он был в феврале того же года утвержден митрополитом Петроградским и Ладожским Питиримом (Окновым) благочинным единоверческих церквей епархии, что стало признанием авторитета пастыря.

Отца Симеона Шлеева, в дальнейшем епископа Симона, можно с полным основанием назвать главным идеологом единоверия. Его труды «Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской Церкви» (1901), «К вопросу: какой епископ нужен Единоверию?» (1905), «Единоверие в своем внутреннем развитии» (1910), более 70 статей в журнале «Правда православия», доклады и выступления на Всероссийских съездах православных старообрядцев (единоверцев) и Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг., статьи в периодических изданиях и сейчас являются важным источником сведений о единоверии (см.: Путь на Голгофу, 2005)].

В 1916 г. в Петроград из г. Вольска Саратовской губернии переехал двоюродный брат о. Симеона свящ. Григорий Степанович Шлеев (1862–1928). Летом этого года по избранию прихожан старшей в городе Никольской Миловской единоверческой церкви он был приглашен в столицу. 5 июля 1916 г. последовала резолюция епископа Ямбургского Анастасия (Александрова) о переводе о. Григория и определении его настоятелем этой церкви. В 1917 г. он был возведен в сан протоиерея [Правда Православия: Григорий Шлеев, 2012, 9].

В декабре 1916 г. остро встал вопрос о поиске кандидата на место законоучителя женской гимназии Петроградского единоверческого братства. Попечительский

совет гимназии, заслушав прошение окончившего Московскую Духовную семинарию и Московский археологический институт псаломщика Троицкой единоверческой церкви Москвы, одного из секретарей Первого Всероссийского единоверческого съезда Иоанна Григорьевича Шлеева (сына о. Григория, 1888–1937) о желании занять штатное законоучительское место в гимназии, постановил: «войти с ходатайством пред Епархиальным и Окружным начальством о предоставлении штатного законоучительского места Женской гимназии, в сане священника, просителю». В том же месяце директор гимназии прот. Симеон Шлеев обратился к епископу Ямбургскому Анастасию, заведовавшему единоверческими приходами в Петроградской епархии, с этой просьбой, на что было получено согласие в январе 1917 г. 15 апреля 1917 г. Иоанн Шлеев был рукоположен во диакона в Иоанновском женском монастыре епископом Нарвским Геннадием (Туберозовым), а на следующий день им же был поставлен во иерея к церкви епархиального Исидоровского женского училища [Правда Православия: *Иоанн Шлеев*, 2012, 12].

Деятельность по реформированию российского единоверия усилилась с началом Первой мировой войны. Инициатива в этом деле принадлежала сильным петроградским общинам, которые стремились стать во главе всех единоверцев страны, чтобы координировать их действия в это трудное время (см.: [Воззвание, 1914]).

После Февральской революции 1917 г. деятельность единоверцев еще больше активизировалась. Весной 1917 г. они обратились в Святейший Синод, чтобы возродить к жизни проект совета (комиссии) Всероссийских съездов православных старообрядцев, предложенный еще на Первом Всероссийском единоверческом съезде в 1912 г. Тогда этот совет был даже избран, но так и не начал функционировать. В мае 1917 г. с разрешения Святейшего Синода и при содействии епископа Уфимского и Мензелинского Андрея (Ухтомского) была разрешена деятельность подобного совета. В том же месяце он начал свою работу в Петрограде под председательством еп. Андрея. В совет среди других вошли и упоминавшиеся протоиереи Симеон и Григорий Шлеевы, Г. И. Сандин (в качестве казначея), а также священник Иоанн Шлеев, ставший помощником секретаря [Летопись: *Иоанн Шлеев*, 2013, 53–54].

С 11 мая по 23 июля прошло восемь заседаний совета, на которых были рассмотрены уставы Всероссийских православно-старообрядческих съездов, епархиальных съездов и приходских общин. Совет имел суждение о поднятии значения монастырей как религиозно-просветительных центров и мест пребывания будущих единоверческих епископов. Несколько заседаний он посвятил примирению со старообрядцами-поповцами. В этой связи члены совета встречались с представителями Белокрыницкой иерархии. С 23 по 29 июля 1917 г. под председательством еп. Андрея (Ухтомского) в Нижнем Новгороде состоялся Второй Всероссийский съезд православных старообрядцев, в котором активно участвовали петроградцы. На нем был переизбран состав совета, а также выбраны кандидаты для участия в работе Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., в том числе отцы Симеон и Григорий Шлеевы [Летопись: *Сандин*, 2013, 59–60].

Таким образом, в ходе работы съездов 1912 и 1917 гг. победили сторонники взглядов прот. Симеона Шлеева, интеллектуальная элита единоверцев смогла окончательно консолидироваться, появилась единоверческая идентичность, что ярко проявилось в ходе работы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. [Палкин, 2016, 264].

На Всероссийском Поместном Соборе 22 февраля (7 марта) 1918 г. единоверцы добились выполнения своего главного требования: были введены должности викарных единоверческих епископов в большинстве епархий. Согласно решениям Собора, приходская община сама могла решить вопрос о своем присоединении к единоверию, если четыре пятых членов общины выразят желание принять старый обряд (это же правило распространялось на обратный переход). Тогда же окончательно утратил силу запрет на обращение новообрядцев без крайней необходимости к единоверческим священникам; теперь отсутствовали какие-либо препятствия при переходе прихожан Российской Церкви в единоверческие приходы и наоборот. Но, с другой

стороны, и по привилегиям единоверческого духовенства был нанесен определенный удар. Собор постановил, что единоверческие епископы в новообрядческих храмах и служить по новому чину [Саранча, Миролюбов, 2008, 48; Саранча и др., 2009].

Вскоре после принятия Собором постановления о единоверии были проведены собрания единоверческих приходов Петроградской епархии. Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, рассмотрев ходатайства о проекте правил избрания кандидата на единоверческую Охтенскую кафедру, назначил выборы епископа на 31 мая 1918 г. В этот день после литургии, совершенной митрополитом Вениамином в Никольском храме, состоялись выборы кандидата в единоверческие епископы, по результатам которых прот. Симеон Шлеев получил 61 голос, епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев) — 8 голосов, прот. Василий Боголюбов — 1 голос.

Патр. Тихон и Священный Синод рассмотрели представление митр. Вениамина и 7 июня издали постановление: «Избранного Собранием представителей единоверческого клира и мирян Петроградской епархии на вновь открываемую кафедру Охтенского единоверческого епископа настоятеля Петроградской Никольской единоверческой церкви, протоиерея Симеона Шлеева, по пострижении его в монашество, назначить Охтенским единоверческим епископом с тем, чтобы наречение и хиротония его во епископа были произведены в Петрограде, и с поставлением Охтенского епископа, на основании статьи 2 определения Священного Собора об единоверии, в зависимость от преосвященного митрополита Петроградского...» (см.: [Летопись, 2013]). Вскоре прот. Симеон был пострижен в иночество с именем Симон и возведен в сан архимандрита.

Архиерейскую хиротонию первого единоверческого епископа должен был возглавить сам патриарх Тихон, прибывший в Петроград 14 июня. В тот же день он встретился с делегацией петроградских единоверцев, которые вручили ему благодарственный адрес. 3 (16) июня 1918 г. в Троицком соборе Александро-Невской лавры патр. Тихон совершил по старопечатным книгам хиротонию архим. Симона во епископа Охтенского для окормления православных старообрядцев Петроградской епархии. Вплоть до национализации учебных заведений, даже будучи в архиерейском сане, владыка Симон продолжал занимать должности директора реального училища и председателя педагогического совета женской гимназии. В мае 1920 г. он был назначен патриархом временно управляющим Уфимской епархией и навсегда покинул Петроград. 5 (18) августа 1921 г. епископ мученически погиб (оказался застрелен неизвестными) у своего дома при возвращении из Уфимского кафедрального собора со всенощной в канун Преображения Господня. Владыка Симон был прославлен в лике святых Собора новомучеников и исповедников Российских XX века на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 г.

К 1918 г. на территории России действовало около 600 единоверческих общин, объединявших более 400 тысяч прихожан, в том числе 13 общин было в Петроградской епархии. После Октябрьского переворота 1917 г. они пережили сложный и по-своему трагический период. Естественное развитие единоверия было прервано революционными потрясениями, а затем и начинавшейся Гражданской войной. 23 января 1918 г. в советских газетах был опубликован декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», первоначально называвшийся «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Именно он заложил основы будущего почти бесправного положения Церкви. В декрете были пункты, не связанные прямо с его основным смыслом: запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация всего церковного имущества [Собрание узаконений РСФСР, 1918, № 18. Ст. 263]. Эти ограничения не вытекали из принципа, что религия есть частное дело граждан (частные общества имели соответствующие права), и были вызваны, прежде всего, политическими и идеологическими соображениями. Именно указанные запреты наиболее тяжело отразились на деятельности приходов.

В 1918 г. помимо национализации имущества и самих зданий единоверческих церквей Петрограда было национализировано реальное училище цесаревича Алексея. Фонд училища, насчитывающий 13 дел, в том числе по личному составу, за 1917–1918 гг. сохранился в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга [ЦГА СПб. Ф. 8664. Оп. 1. Д. 1–13]. Петроградское единоверческое братство также вскоре прекратило свою деятельность, перестал выходить журнал «Голос Церкви», Никольскому приходу запретили содержать богадельню и женскую гимназию.

Первоначально в защиту Никольской церкви на Николаевской ул. (переименованной в ул. Марата) выступило Общество ревнителей истории. В январе 1919 г. оно направило в Комиссариат юстиции Союза коммун Северной области заявление об оставлении части церковного имущества, в том числе единоверческой церкви свт. Николая Чудотворца, в его пользовании, приложив свой устав. Однако это ходатайство успеха не имело. Вскоре последовало требование властей представить в трех экземплярах полную опись церковного имущества, а также список выбранной прихожанами «двадцатки». Оно было выполнено. 12 января 1919 г. состоялось общее собрание прихожан для выборов комиссии по проверке имущества и заключения договора с представителем райисполкома об официальной передаче храма со всем инвентарем в «бесплатное и бессрочное» пользование коллективу верующих. Однако, как в дальнейшем оказалось, это использование не было ни бесплатным, ни бессрочным.

С начала 1919 г. стремление советских властей «поживиться» за счет церковного имущества особенно усилилось. Во второй половине 1919 — начале 1920 гг. дело дошло до реквизиции всех капиталов единоверческих общин. Вскоре по требованию советских властей приходской совет Никольской церкви представил справку о капиталах и недвижимом имуществе общины, а в мае 1919 г. — опись расписок Государственного банка на финансовые документы, принадлежавшие церкви, и опись процентных бумаг и сохранных расписок Петроградской конторы Государственного банка, принадлежавших храму. Через семь месяцев они были реквизированы, и 3 января 1920 г. общий подотдел Петроградского совета отправил в Государственную сберкассу извещение о перечислении всего капитала Никольского храма в доход казны.

Следует отметить, что 26 мая 1919 г. Священный Синод Русской Православной Церкви постановил: «Николаевскому единоверческому храму, что на Николаевской улице в Петрограде, присвоить наименование соборного храма с правами уездных городских соборов». 11 июня Никольская церковь была официально преобразована в единоверческий собор (первая такая попытка оказалась предпринята еще в 1910 г. и тогда закончилась неудачей) [Антонов, Кобак, 2010, 394].

При этом собор свт. Николая Чудотворца до мая 1920 г. был кафедральным храмом епископа Охтенского Симона. Настоятелем храма большую часть послереволюционного периода, впервые с 1919 по январь 1924 гг., служил священник Алексей Васильевич Шелепин. Он родился в 1877 г. в г. Холме Псковской губернии, там же окончил уездное училище и 2 июля 1911 г. был рукоположен в сан иерея. Отец Алексей имел хорошую благочестивую семью: жену Анастасию Петровну Шелепину, двух детей (сына и дочь), и пользовался уважением прихожан.

Помимо владыки Симона, в годы Гражданской войны Петроград по разным причинам покинули некоторые его ближайшие сподвижники. Так, Г. И. Сандин в 1919 г. эмигрировал в Финляндию, где принял сан священника; позднее он скончался в Хельсинки. Прот. Григорий Шлеев до начала 1920-х гг. служил настоятелем Никольской Милосердской церкви, затем переехал в Москву, где вскоре подвергся аресту. Отец Григорий был выслан на 101-й километр от Москвы, в село Никольское нынешнего Талдомского района, и скончался там в 1928 г. [Правда Православия: *Григорий Шлеев*, 2012, 9–10].

Весной 1922 г. на всю Русскую Православную Церковь обрушилась кампания по изъятию церковных ценностей. Лишь небольшая часть из них в дальнейшем пошла для нужд голодающих Поволжья, а остальное — на Красную армию, внешнеполитическую деятельность, создание «твердой» советской валюты и т. п. В Петроградском

Никольском соборе хранились церковные ценности, многие из которых имели большое художественно-историческое значение. В храме было много старинных образов в богатых серебряных ризах, украшенных драгоценными камнями, в главном приделе хранился искусной работы серебряный ковчег с изображением Голгофы, висевший 17,5 кг; антиминсы в основном датировались XVII в. Значительная часть из этих ценностей (несколько десятков серебряных предметов церковной утвари, риз, крестов и т. д.) была изъята в ходе двух акций, проведенных членами специальной комиссии, 26 апреля и 27 мая 1922 г. (акты изъятия и опись вывезенных ценностей сохранили в архиве) [ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 91. Д. 19. Л. 35–37]. Часть святых прихожане выкупили, внося равное по весу количество серебра.

Изъятие ценностей в храме прошло относительно спокойно, и поэтому никто из членов причта не был арестован и осужден по процессу священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского), расстрелянного в августе 1922 г. Но уже вскоре Никольский собор, как и другие единоверческие храмы Петрограда, временно был захвачен просоветским движением обновленцев.

В начале 1922 г. у советского руководства появились планы произвести раскол, создать более покорную церковную организацию. Назревавшее установление дипломатических отношений со странами Запада в перспективе требовало смягчения ситуации вокруг «религиозного вопроса». В результате дискуссий в ЦК РКП(б) и Совнарком пришли к выводу, что руководство Православной Церкви в довольно сжатые сроки должно взять в свои руки духовенство, целиком и полностью лояльное советской власти и правительству. Вскоре был организован так называемый обновленческий раскол. Не вызывает сомнений, что без прямого участия государственного аппарата никакого «переворота» в Русской Церкви не произошло бы.

В мае 1922 г., после ареста патр. Тихона, обновленцы при содействии государственных органов захватили церковное руководство в стране. Петрограду — важнейшему религиозному центру страны — как власти, так и обновленцы уделяли особое внимание. Спротивление здесь было подорвано весенними арестами, охватившими основную часть епархиального руководства. 28 июня приступило к своим действиям сформированное обновленцами Петроградское Епархиальное управление (ПЕУ). Пытаясь привести в повиновение духовенство, ПЕУ увольняло из храмов оппозиционных священников и назначало на их места своих сторонников, не считаясь с желаниями прихожан.

Одновременно усилился контроль за церковной жизнью. По требованию властей в сентябре 1922 г. им были предоставлены отчетная ведомость Никольского собора, список членов «двадцатки», в январе 1923 и 1924 гг. — инвентарные описи имущества, 15 января 1923 г. заключен новый договор о передаче храма в пользование верующим. Следует отметить, что в списке «двадцатки» от 7 сентября 1922 г. было указано, что в число членов президиума приходского совета входит профессор Петроградского государственного университета, упоминавшийся нами выше ученый-физиолог Алексей Алексеевич Ухтомский (брат известного новомученика епископа Уфимского Андрея). Уникальность Никольского собора была по достоинству оценена научной общественностью города, и 24 марта 1923 г. Петроградское управление Академического центра Наркомата просвещения прислало «двадцатке» извещение, что храм, «как представляющий особое художественно-историческое значение», находится под его охраной. В том же 1923 г. была закрыта церковь прп. Алексия Человека Божия при бывшей Анастасиинской богадельне на Единоверческой ул.

Николаевский собор оставался под контролем обновленцев около года — до лета 1923 г. В июне был освобожден из-под ареста патриарх Тихон, и единоверческие общины Петрограда сразу же вернулись в его юрисдикцию. В этом движении активно участвовал свящ. Алексей Шелепин, и обновленческое Петроградское Епархиальное управление попыталось устранить его, назначив новым настоятелем Никольского собора свящ. Иоанна Шлеева. 13 июня ПЕУ выдало удостоверение о том, что 12 июня оно постановило назначить указанного священника настоятелем храма

с возложением на него обязанностей благочинного всех единоверческих церквей Петроградской епархии. Однако прихожане Никольского собора его отвергли: 29 июня 1923 г. состоялось общее собрание приходской общины, принявшее решение об отклонении кандидатуры назначенного ПЕУ настоятелем священника Иоанна Шлеева.

В дальнейшем о. Иоанн уехал в Псковскую губернию и до начала 1930-х гг. служил настоятелем храма г. Дно Псковского округа Ленинградской области. В 1932 г. он был впервые арестован, осужден на 10 лет заключения в лагерь, но досрочно освобожден в 1934 г. После первого ареста о. Иоанн легально не служил. Последние годы его жизни прошли в г. Ржеве Калининской области, где он работал сторожем в школе. Там он был второй раз арестован в ноябре 1937 г. Согласно обвинительному заключению, пастырь обвинялся в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. 27 ноября 1937 г. отец Иоанн Шлеев был расстрелян по приговору «тройки» Управления НКВД по Калининской области [Летопись: Иоанн Шлеев, 2013, 54–55].

Советские власти не простили о. Алексею Шелепину его активной деятельности по борьбе с обновленческим расколом. В конце 1923 г. пастырь был арестован и осужден, в связи с чем с января 1924 г. обязанности настоятеля Никольского собора стал исполнять священник Иоанн Ксенофонтович Крючков, служивший также в Сретенском и Благовещенском храмах на Волковом кладбище. Отбыв срок наказания, о. Алексей к 1928 г. вернулся в Ленинград и вновь приступил к исполнению обязанностей настоятеля Никольского собора.

В 1924 г. ленинградскими общинами единоверцев, вернувшимися из обновленческого раскола в Московский Патриархат, вновь стал управлять единоверческий епископ. Еще 30 июля 1922 г. на Керженскую единоверческую кафедру Нижегородской епархии был рукоположен священноинок Павел (Волков), окончивший в 1916 г. Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Поставление нового единоверческого епископа состоялось вскоре после ареста в мае 1922 г. Святейшего патриарха Тихона и возникновения обновленческого раскола. Керженский владыка сохранял верность патриарху и активно содействовал преодолению влияния обновленцев. В августе 1923 г. преосв. Павел был принят патриархом Тихоном, который признал законность хиротонии Керженского епископа. В октябре 1923 г. епископ Павел был назначен на Вологодскую кафедру, но его назначение вскоре отменили. По-видимому, Керженский владыка хотел объединить под своим управлением все российские единоверческие приходы. Во всяком случае, позднее он писал, что патр. Тихон не видел никакого препятствия для осуществления подобных планов. 20 февраля 1924 г. под управление еп. Павла были переведены все единоверческие приходы Нижегородской епархии, а также Никольский собор и некоторые другие единоверческие храмы Ленинграда [Краткий очерк, 2014, 26].

В резолюции патр. Тихона от 10 (23) августа 1924 г. говорилось: «Благословляется преосвященному Павлу епископу Керженскому иметь духовное попечение и управление единоверческими приходами, которые к нему обратятся, и для блага Церкви непосредственно сносятся с патриархом всея России, на правах ставропигиального, „ибо нуждою времени и препятствиями в соблюдении точности не должны стесняемы быть пределы управления“ (37 правило 6-го Вселенского Собора)» [Краткий очерк, 2014, 26].

Следует отметить, что в 1920-х гг. единоверческий епископат по своей воле перестал именоваться викарным, однако самостоятельной легальной иерархии он не образовал и в дальнейшем был почти полностью уничтожен. В июне 1927 г. под председательством еп. Павла (Волкова) состоялся последний — Третий Всероссийский — съезд православных старообрядцев (единоверцев) в Нижнем Новгороде, участниками которого были и некоторые ленинградские единоверцы.

Однако в этом году они потеряли два важных храма. 28 мая 1927 г. специальная комиссия осмотрела деревянную Сретенскую церковь на Волковом кладбище и вынесла заключение, что она «ветхая, в полуразрушенном состоянии», и поэтому «без работ по восстановлению не может служить для религиозных собраний».

Составленный акт технического осмотра здания был вынужден подписать и председатель «двадцатки» М. И. Иванов [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 1. Л. 3–3 об.]. С этого дня богослужения в церкви прекратились, и ее община вскоре распалась. 3 июня 1929 г. церковное здание было передано в пользование Покровской общине старообрядцам Белокриницкого согласия, которая после ремонта возобновила в нем богослужения [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 1. Л. 8–12]. К концу 1927 г. и Никольскую Миловскую церковь передали старообрядцам Белокриницкого согласия.

Осенью 1927 г. в Ленинградской епархии возникло так называемое иосифлянское движение (или Истинно-Православная Церковь), получившее свое название по имени Ленинградского митр. Иосифа (Петровых) и вскоре распространившееся на значительную часть страны. Иосифляне представляли наиболее сильную и сплоченную часть более широко движения «непоминающих», оппозиционного церковной политике советской власти и заместителю патриаршего местоблюстителя митр. Сергию (Страгородскому). Уже в декабре 1927 г. община Никольского собора (как и приходы других единоверческих храмов Ленинграда) во главе со своим настоятелем о. Алексием Шелепиным присоединилась к иосифлянам и вышла из подчинения митр. Сергия.

Первое время советские власти смотрели на это сквозь пальцы. 24 апреля 1928 г. был заключен новый договор о передаче храма в пользование верующих, 30 января 1929 г. составлена новая опись имущества. В это время при соборе по-прежнему действовали две часовни, в том числе Тихвинская, и имелись две жилые комнаты, в которых проживали две монахини: Евдокия (Панкеева) и Минодора (Мидякина), работавшие церковными сторожами. Это, в конце концов, вызвало раздражение у инспектора по делам культов Смольнинского района Е. Г. Михайловой, и 14 июня 1929 г. она написала заявление в районный коммунальный отдел о том, что в церкви при часовнях имеются две жилые комнаты, в которых бесплатно живут «бывшие монахини», и что их необходимо выселить или, если этого нельзя сделать, — взыскать плату за все время проживания [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 5]. В результате плата была взыскана.

Большую сложность для общины представляли дорогостоящие ремонты церковного здания, которые она проводила за свой счет. В частности, капитальные ремонты были проведены в 1924 и 1927 годах. 9 апреля 1928 г. специальная районная комиссия вновь провела технический осмотр здания и в составленном по его итогам акте предписала выполнить ряд ремонтных работ. Одновременно усиливался налоговый пресс. 22 июля 1929 г. «двадцатка» была вынуждена написать заявление властям с просьбой разрешить отложить некоторую часть предписанного ремонта до будущего года, так как «повышенный налог за аренду требует короткого срока погашения, что является причиной задержки работ» [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 7].

Епископ Керженский Павел до начала 1929 г. находился в молитвенно-каноническом общении с заместителем патриаршего местоблюстителя митр. Сергием (Страгородским). После присоединения Никольского собора и некоторых других единоверческих храмов Ленинграда к иосифлянскому движению еп. Павел написал послание на имя настоятеля единоверческой общины на Волковом кладбище прот. Иоанна Крючкова с увещанием отделившихся от митр. Сергия. Это архиастырское послание было оглашено перед прихожанами в начале 1929 г. Однако в конце того же года еп. Павел добровольно снял с себя сан. 31 января 1930 г. он был арестован ОГПУ и 16 марта приговорен к 10 годам концлагерей. После отбытия заключения и ссылки бывший епископ женился, говорил, что ушел из духовного звания, чтобы сохранить веру — боялся, что не выдержит в ссылке. Скончался он в начале 1950-х гг. Служение на единоверческой Керженской кафедре больше не возобновлялось [Краткий очерк, 2014, 26].

В связи с началом массового закрытия в СССР приходских храмов эта же судьба постигла и единоверческие церкви Ленинграда. В 1929 г. были закрыты все храмы на Большеохтинском единоверческом кладбище. Так, 24 августа президиум Ленсовета принял постановление о ликвидации Димитровской церкви, которая была закрыта

в сентябре. В том же году закрыли Покровскую и Мариинскую церкви. Все они оказались снесены [Шульц, 1994, 326].

Вскоре угроза закрытия нависла над церковью Благовещения Пресвятой Богородицы на Волковом единоверческом кладбище, настоятелем которой с 1901 г. служил прот. Иоанн Ксенофонтович Крючков. 29 июля 1930 г. инспектор по делам культа Московского района Добрынина приняла в свое ведение имущество этой церкви от Володарского райсовета, причем председатель «двадцатки» А. А. Матвеева не смогла представить часть указанных в описи бриллиантов. В дальнейшем выяснилось, что она заложила их в ломбарде. В конце августа Добрынина написала докладную записку в Уголовный розыск с просьбой привлечь Матвееву к ответственности [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 1. Л. 26]. В сентябре 1930 г. были проведены обыски на квартирах у А. А. Матвеевой и прот. Иоанна Крюčkова (наб. р. Волковки, д. 5, кв. 1), у которого нашли крест в серебряной оправе и бисер. В том же месяце Добрынина написала об этом докладную записку в ОГПУ [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 1. Л. 42]. В результате последовали репрессии.

Благовещенская церковь была закрыта в 1931 г. и снесена в начале 1930-х гг. В том же году советские власти закрыли и находившуюся поблизости домовую церковь св. пророка Илии в здании бывшей богадельни имени П. Ф. Филиппова. Ее здание также снесли [Антонов, Кобак, 2010, 395].

Единственным действующим единоверческим храмом в городе оставался Никольский собор. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. его настоятелем по-прежнему служил о. Алексей Шелепин, а председателем «двадцатки» (уполномоченным) был конторщик Василий Васильевич Потатуев. В 1914–1918 гг. он являлся банкиром, в 1918–1922 гг. работал секретарем волостного исполкома Рыбинского уезда Ярославской губернии, затем переехал в Петроград и с 1923 г. состоял в общине Никольского собора.

В ночь с 22 на 23 января 1930 г. в храме была совершена кража со взломом, в результате которой оказался похищен 21 серебряный предмет общим весом 9600 г и стоимостью 767 руб., в том числе Евангелие в серебряном окладе и ковчег с мощами святой благоверной княгини Анны Кашинской [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 12]. 31 января был составлен акт о краже с описью похищенного имущества, милиция начала уголовное расследование, однако поиски украденных ценностей зашли в тупик. При этом от членов «двадцатки» стали требовать оплатить всю стоимость похищенного. Между тем в 1930 г. приходской совет продолжал оплачивать ремонт храма.

20 апреля 1930 г. районный инспектор по делам культов Е. Г. Михайлова написала заявление в секцию внутреннего управления с просьбой обследовать часовню на углу Кузнечного пер. и ул. Марата для выяснения вопроса, не мешает ли она уличному движению, с приложением соответствующей заметки из редакции «Ленинградской правды». Вскоре Михайлова переслала материал по этому делу в президиум Смольнинского райсовета, указав, что считает целесообразным снос часовни, «как мешающей пешеходному движению» (в связи с прокладкой рядом трамвайной линии) [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 14].

В результате секретариат президиума Смольнинского райсовета 20 августа 1930 г. постановил предложить «двадцатке» Никольского храма перенести часовню, чтобы она не занимала тротуар и не мешала пешеходному движению, а в случае несогласия — разобрать ее. 28 августа это постановление было сообщено члену приходского совета Ивану Тяпкину, однако «двадцатка» обжаловала его в Ленинградском отделе Главнауки. И 18 сентября Управление уполномоченного Наркомата просвещения написало в административный отдел Ленгорисполкома о необходимости сохранения часовни и ее ремонта, так как она «состоит под Госохраной вместе с церковью по первой категории (памятник архитектуры)». 21 сентября административный отдел известил Михайлову, что он согласен с заключением Управления уполномоченного Наркомата просвещения, и часовня была спасена от уничтожения [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 17–20].

Между тем ОГПУ начало массовые репрессии против иосифлян: всего за 1928 — первую половину 1930 гг. в Ленинграде было арестовано и осуждено по различным делам 130 представителей так называемой Истинно-Православной Церкви — священников и мирян. В рамках этой кампании в конце лета — осенью 1930 г. ОГПУ провело операцию по разгрому ленинградских единоверцев, арестовав несколько священнослужителей и мирян. Настоятель Никольского храма прот. Алексей Шеляпин был арестован 22 августа 1930 г. По постановлению Коллегии ОГПУ от 13 апреля 1931 г. он был приговорен к пяти годам заключения в лагере и отправлен отбывать срок в Вишлаг (Красную Вишеру) [АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-63017. Т. 2; Осипова, 1998, 163].

До нашего времени сохранился его портрет, нарисованный на листе бумаги во время пребывания пастыря в Ленинградском Доме предварительного заключения на Шпалерной ул. одним из сокамерников. На листе имеется соответствующая надпись: «Шеляпин Алексей, протоиерей Никольской церкви. Зарисован одним из сидящих в ДПЗ арестованных. Портрет предназначался „для воли“ семье...» [Шкаровский, 2013, 21].

В это же время был репрессирован другой известный член причта Никольского храма. Активный член религиозно-философского кружка Иоанна Лествичника при Александро-Невском братстве, учащийся Высших Богословских курсов Иннокентий Петрович Астанин после их закрытия в 1928 г. увлекся старообрядчеством и стал читать и петь в единоверческом соборе свт. Николая Чудотворца. В конце 1929 г. его постригли в мантию с именем Игнатий и рукоположили во иеромонаха к этому храму. Вместе с другими членами причта Никольского собора о. Игнатий стал участником иосифлянского движения, а 23 декабря 1930 г. его арестовали по печально знаменитому «делу Академии наук» и приговорили к пяти годам лагерей. Скончался иеромонах Игнатий в 1940 г., уже после освобождения из лагеря, в Мурманской ссылке [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П- 68567. Т. 2. Л. 166].

При аресте о. Алексия Шеляпина в ходе обысков агентами ОГПУ была обнаружена и изъята замурованная в стенах храма в специальном тайнике церковная серебряная утварь общим весом 650 кг, переплавленная в дальнейшем на металл [Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1994. Вып. 12. С. 4]. Вероятно, ее спрятали в 1917–1918 гг., еще до предоставления описи имущества советским властям, и это был крупнейший тайник, устроенный верующими в храмах Ленинграда. Эти события легли в основу сфабрикованного всесоюзного «дела единоверцев».

В соответствии с новыми требованиями советских властей после принятия постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О религиозных объединениях» (от 8 апреля 1929 г.) учредители Никольской единоверческой общины 14 сентября 1930 г. обратились в стол регистрации обществ и союзов Смольнинского района с прошением зарегистрировать религиозное общество их храма. Район деятельности общины в этом заявлении был обозначен очень широко: Ленинград и прилегающие селения. К прошению были приложен список учредителей из 25 человек, справки об их проживании в Ленинграде и несудимости в прошлом [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 23–25].

По правилам регистрации также требовалось представить анкеты членов причта, но к заявлению была приложена только анкета псаломщика Николая Леонидовича Юферова (1907 г. рожд.), служившего в храме с 1929 г. На уточняющий запрос районных властей уполномоченный «двадцатки» сообщил, что свящ. А. В. Шелепин арестован, а диакон Н. И. Кольшкн находится в больнице, поэтому их анкеты «последуют дополнительно» [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 28–29]. Правда, в дальнейшем они так и не «последовали».

В ответ на другой запрос приходской совет 30 ноября сообщил, что на колокольне храма находится 11 колоколов, которые вместе весят 405 пудов (около семи тонн), в том числе большой колокол 205 пудов. 8 декабря 1930 г. власти выдали удостоверение о перерегистрации религиозного общества, и на следующий день был заключен

новый договор о передаче храма и двух часовен в пользование верующих. Договор подписали 22 члена приходского совета во главе с председателем В. В. Потатуевым [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 82–83].

В 1931 г. в Ленинграде прошел второй массовый процесс «контрреволюционной монархической церковной организации „Истинно-православных“». Аресты продолжались с 19 сентября 1930 по 22 апреля 1931 г., пик их пришелся на конец декабря. Кроме епископов Сергия (Дружинина) и Василия (Докторова), арестованных 7 декабря, в камеры Дома предварительного заключения были отправлены 17 священнослужителей и миряне, всего 89 человек, в том числе некоторые единоверцы [Шкаровский, 1999, 163–164]. Это сильно подорвало позиции оставшихся без архиереев истинно-православных, и в конце 1930 г. в единоверческом храме свт. Николая Чудотворца иосифлянскую «двадцатку», по некоторым сведениям, сменила сергианская, то есть состоявшая из сторонников митр. Сергия (Страгородского).

Последние регулярные богослужения в Никольском храме состоялись весной 1931 г. В частности, по заявлению «двадцатки» от 7 апреля был разрешен колокольный звон и крестный ход вокруг собора в пасхальные дни [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 93]. Однако затем — из-за отсутствия членов причта в результате арестов — богослужения почти прекратились. В мае на членов «двадцатки» было оказано сильное давление, и большинство из них вышло из ее состава. При этом все же нашлись желающие вступить в приходской совет. 17 июня администрация Театра рабочей молодежи (ТРАМ) даже написала ходатайство о передаче здания якобы уже закрытой Никольской церкви под театральные мастерские. 31 июля 1931 г. двери храма были временно опечатаны в присутствии жены бывшего настоятеля Анастасии Петровны Шелепиной [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 100, 106].

Однако единоверческий собор все-таки еще не был закрыт, и члены общины боролись за его сохранение. В ответ власти прибегли к новым репрессиям. 23 октября 1931 г. были арестованы работавшие церковными сторожами и проживавшие при храме монахини Евдокия (Панкеева) и Минодора (Мидякина). По обвинению в антисоветской деятельности они были 17 июня 1932 г. приговорены Коллегией ОГПУ к трем годам ссылки и отправлены отбывать ее в Казахстан [Санкт-Петербургский мартиролог, 2002, 164, 184].

Одновременно с арестами Смольнинский районный совет Союза воинствующих безбожников стал проводить сбор подписей по предприятиям и организациям о закрытии Никольской «церкви, предназначенной под мастерские театра ТРАМ». 16 ноября 1931 г. он передал в президиум райсовета собранные 118 листов с 2918 подписями [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 107].

10 апреля 1932 г. президиум Леноблисполкома принял постановление о ликвидации храма (в качестве действующего) и передаче здания под театральные мастерские ТРАМ, отметив, что на переоборудование для этих целей областным Политическо-просветительным центром уже отпущено 45 тысяч рублей. Однако прихожане опротестовали данное постановление во ВЦИК. При этом с членов «двадцатки» районные власти 13 апреля 1932 г. все еще требовали уплаты денег за украденную в январе 1930 г. из храма серебряную утварь [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 111, 112].

Акция закрытия Никольского храма проходила в условиях новой волны репрессий. В трагическую ночь с 13 на 14 апреля 1932 г. агенты ОГПУ нанесли страшный удар по старообрядцам Ленинграда, подвергнув тем или иным формам репрессий более 160 человек: все духовенство Епархиального центра Белокриницкого согласия в Ленинграде, в том числе еп. Геронтия (Лакомкина), большинство певчих, постоянных прихожан храмов Громовского старообрядческого кладбища, а также почти всех членов братства имени протопопы Аввакума, в которое, помимо старообрядцев Белокриницкого согласия, входили единоверцы. В эту ночь началось следствие по делу «Всероссийского союза старообрядческих братств» (уже давно не существовавшего) и «Ленинградского братства имени протопопы Аввакума», по которому прошло в качестве обвиняемых 67 человек. Все они были приговорены 22 и 28 ноября 1932 г.

Особым совещанием Коллегии ОГПУ к различным срокам заключения в лагерь или ссылки [АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-79521. Т. 4. Л. 364].

Протесты прихожан Никольского собора не помогли, и 10 июня ВЦИК принял решение утвердить постановление президиума Леноблисполкома о ликвидации храма. 7 июля Комиссия по вопросам культа Леноблисполкома известила об этом президиум Смольнинского райсовета и предложила объявить принятое решение верующим. На следующий день, 8 июля 1932 г., Николаевский храм был закрыт и передан вместе с ключами и всем инвентарем приходским советом представителям районных властей [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 114, 116].

При этом некоторые прихожане даже не смогли забрать из храма находившиеся там личные вещи. Так, 21 июля бывшие члены «двадцатки» ходатайствовали перед районным инспектором Е. Г. Михайловой о возвращении предметов домашнего обихода, принадлежащих семье священника Алексея Шелепина, которая «страшно нуждается»: полотенце, кресла, детских санок и т. п., а также двух ватных пальто арестованных монахинь Евдокии (Панкеевой) и Минодоры (Мидякиной). В это же время В. В. Потатув просил вернуть ему переданные в храм на хранение о. Алексею Шелепину художественные книги, в основном собрания сочинений русских классиков. Кроме того, бывшие члены «двадцатки» просили Е. Г. Михайлову выдать им из храма шесть икон, антиминс, богослужебные книги, плащаницу, свечи и воск [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 117, 118]. Удовлетворили ли эти просьбы — неизвестно.

4 августа 1932 г. здание Никольского храма передали Театру рабочей молодежи, но оказалось, что оно ему в действительности не нужно. Проведенная почти через девять месяцев (25 апреля 1933 г.) проверка показала, что ТРАМ так и не приступил к ремонту и переоборудованию храма, и никаких театральных мастерских там нет [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 224. Л. 124, 127]. В результате здание было передано и перестроено в 1934 г. под Музей Арктики, который после начала интенсивного освоения Антарктиды был переименован в 1958 г. в Музей Арктики и Антарктики. Этот музей находится в церковном здании и в настоящее время.

Дальнейшие судьбы членов причта и прихожан Николаевского собора сложились в основном трагически. 11 января 1933 г. была арестована Анастасия Петровна Шелепина, ее приговорили к 10 годам лагерей и отправили отбывать срок в страшный Соловецкий лагерь особого назначения. 16 февраля того же года агенты ОГПУ арестовали сына отца А. Шелепина Михаила Алексеевича, он был приговорен к пяти годам лагерей и отправлен отбывать срок в Коми АССР [Санкт-Петербургский мартиролог, 2002, 256–257].

Сам священник Алексей Шелепин после освобождения из Красновишерских лагерей вернуться в Ленинград не мог и в 1935 г. поселился с дочерью в деревне Горыни Ордежского района Ленинградской области (за 101-м километром). Однако через два года, после пожара в деревне, случившегося по неосторожности, он был арестован 3 мая 1937 г. по обвинению в умышленном поджоге. Постановлением Военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа от 4 августа 1937 г. последнего настоятеля Никольского храма приговорили к высшей мере наказания. Расстрелян отец Алексей был в Ленинграде 4 октября 1937 г. и, вероятно, похоронен на Левашовской пустоши [Шкаровский, 1999, 323]. В период «большого террора» 1937–1938 гг. погибла и значительная часть бывших прихожан Никольского собора.

Таким образом, к 1933 г. были закрыты все единоверческие храмы Ленинграда. Лишь Сретенская церковь на Волковском кладбище, переданная в конце 1920-х гг. старообрядцам Белокриницкого согласия, оказалась закрыта в 1939 г. При этом все единоверческие храмы города, кроме одного — Никольского на ул. Марата, были снесены [Антонов, Кобак, 2010, 392–395]. Никольскую Миловскую церковь, также переданную старообрядцам Белокриницкого согласия, закрыли и снесли в 1932 г. На ее месте было построено одно из зданий Высшего инженерно-строительного училища имени А. Н. Комаровского. Лишенные своих храмов единоверцы собирались на тайные богослужения по частным квартирам.

В 1930-е гг. были закрыты и все пять единоверческих церквей в Волховском и Лужском районах Ленинградской области. После смягчения советской религиозной политики в годы Великой Отечественной войны бывшая прихожанка одной из них — Никольской церкви с.Немятово Волховского района — И. Д. Воронина в июне 1944 г. от имени односельчан обратилась к митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому) с прошением открыть храм и помочь вернуть осужденного священника Николая Александровича Прокофьева: «Высокопреосвященнейший Владыко, простите и благословите нас грешных овец за наши грехи и за нашу отсталость от Св. Христ[овой] Единоверческой Церкви. Мы грешны: временно уснули крепким сном и, пробудившись, слышим Ваши светлые слова о Св. Христовой Церкви, которые нас ободряют от сна, и просим Вас и повторяем: за наше заявление не откажите в нашей просьбе, а мы, миряне все нашей Единоверческой Христовой Церкви и в нашей жертве помочь нашему благодетелю т. Сталину и его трудящейся Красной Армии. И еще высянем Вам, Высокопреосвященнейший Владыко, о нашей Един[оверческой] Св. Христовой Церкви: в настоящее время в ней находится склад и нет того, что было, даже нет ни одного образа, но мы, прихожане, миримся с этой обстановкой и согласны навести в ней чистый порядок и принести образа, у кого какие есть. У нас сохранились служебные книги и прочее, а остального ничего нет, не имеем, но это наше личное мнение и желание ко всему будущему, а как Ваше благословение и закон, — просим Вас Высокопреосвященнейший Владыка, если что возможно, не откажите. Еще просим Вас, если благословите нас грешных молиться в нашей Единоверческой Церкви Христовой, то не откажите и духовного пастыря священника единоверческого [вернуть], — наш бывший священник отец Николай» [ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 29].

Однако прошение не помогло, Никольская церковь открыта не была. Свящ. Николай Прокофьев позднее вышел на свободу, но служил в Новгородской епархии. Он был настоятелем Ильинского собора в г. Сольцы и безрезультатно пытался спасти его от закрытия во время новых антирелигиозных гонений — в 1960 г.

В целом в советское время, в связи с массовыми гонениями на Церковь и на старый уклад жизни, единоверие почти исчезло. К концу существования СССР (в 1990 г.) сохранились только три единоверческих прихода. В постсоветское время единоверие начало возрождаться, но в несколько ином виде, помимо верующих, имеющих исторические корни, единоверческие общины пополняют представители традиционалистски ориентированной части Русской Православной Церкви, не приемлющие обрядовые нововведения патриарха Никона. Среди них заметную долю составляют представители гуманитарной интеллигенции: иконописцы, реставраторы, музыковеды, психологи и т. п. В 2000 г. число единоверческих приходов достигло 12, а к 2007 г. — 20 [Саранча, Миролубов, 2008, 50].

В начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге была возрождена единоверческая община, и в 1992 г. начались переговоры по возвращению Никольского храма на ул. Марата верующим. 3 сентября 1992 г. даже было принято соответствующее решение, однако 23 февраля 1993 г. общине передали только одну южную часовню собора, в которой начались богослужения (во второй часовне до сих пор размещена трансформаторная будка). О возвращении же здания самого храма уже почти 30 лет продолжают переговоры с властями города. В 2013 г. правительство Санкт-Петербурга передало общине, насчитывавшей тогда около 150 человек, помещения, которые до революции принадлежали ей и использовались для приходской школы. В них был оборудован класс для воскресной школы и начали проводиться богослужения. Еще одна единоверческая община Тихвинской иконы Божией Матери в 1990-е гг. была создана вблизи Санкт-Петербурга — в поселке Павлово-на-Неве Ленинградской области. На Северо-Западе России новая по происхождению единоверческая община действует также в г. Пскове.

В настоящее время в России единоверческие общины организационно подчиняются управляющим епархиями Русской Православной Церкви. Согласно данным

Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции, таких приходов насчитывается 37, и еще в четырех старый обряд используется как дополнительный. В России служат несколько десятков единоверческих священников, монашество малочисленно (не более 10 иноков и инокинь). В структуре Русской Православной Церкви за границей на территории США существует специальная викарная единоверческая кафедра.

Термин «единоверие» многими его представителями расценивается как неудачный. В связи с этим в официальных документах Московского Патриархата в начале XXI в. вместо термина «единоверческие приходы» обычно используется новое понятие «старообрядные приходы Русской Православной Церкви». Однако часть общин не принимают этот неологизм, предпочитая использовать исторически сложившееся наименование «единоверческие приходы» или утвержденное на Всероссийском съезде 1912 г. определение «православные старообрядцы».

Источники и литература

1. Антонов, Кобак (2010) — Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010.
2. АУ ФСБ по СПб и ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-63017. Т. 2; Д. П-68567. Т. 2; Д. П-79521. Т. 4.
3. Бродский (1906) — Бродский Л. К вопросу об единоверческом епископе (историческая справка) // Христианское чтение. 1906. № 6. С. 909–912.
4. Воззвание (1914) — Воззвание ко всем единоверческим приходам христороливой Руси. Пг., 1914.
5. Голос православных старообрядцев-единоверцев (1906) — Голос православных старообрядцев-единоверцев. СПб., 1906.
6. Исторический очерк (1867) — Исторический очерк единоверия. СПб., 1867.
7. Колокол. 1913. 18 апреля.
8. Краткий очерк (2014) — Краткий очерк истории Единоверия. 325-летие единоверческого храма Архангела Михаила. М., 2014.
9. Летопись: Иоанн Шлеев (2013) — Священноиерей Иоанн Шлеев // Летопись единоверческой жизни единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода Московской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата за 7520/2012 год. М., 2013. С. 53–55.
10. Летопись: Сандин (2013) — Священноиерей Григорий Иванович Сандин // Летопись единоверческой жизни единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода Московской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата за 7520/2012 год. М., 2013. С. 58–60.
11. Новое время. 1912. 15 октября.
12. Осипова (1998) — Осипова И. И. Сквозь огонь мучений и воды слез. М., 1998.
13. Палкин (2016) — Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.
14. Правда Православия: Григорий Шлеев (2012) — Священноиерей Григорий Шлеев // Правда Православия. 2012. № 21 (73). С. 9–11.
15. Правда Православия: Иоанн Шлеев (2012) — Священноиерей Иоанн Шлеев // Правда Православия. 2012. № 21 (73). С. 11–14.
16. Простосердов (1916) — Простосердов А. И. Волковское единоверческое кладбище. Пг., 1916.
17. Путь на Голгофу (2005) — Путь на Голгофу: в 2 т. М., 2005. Т. 1: Зими́на Н. П. Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского; Т. 2: Духовное наследие

священномученика Симона, епископа Охтенского / Сост., ред., коммент., справ.-библиогр. материалы Н. П. Зиминой.

18. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 930.

19. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1994. Вып. 12. С. 4.

20. Санкт-Петербургский мартиролог (2002) — Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002.

21. Саранча, Миролубов (2008) — *Саранча Е., Миролубов И.* Единоверие // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 42–48.

22. Саранча и др. (2009) — *Саранча Е., Миролубов И., Зиминая Н. П.* Краткий очерк истории единоверия. М., 2009.

23. Собрание узаконений РСФСР (1918) — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

24. Труды Первого съезда (2012) — Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев). М., 2012.

25. Шкаровский (2013) — *Шкаровский М. В.* Община Никольской единоверческой церкви Петрограда в 1920-е — начале 1930-х годов // Правда Православия. 2013. № 1 (74). С. 19–23.

26. Шкаровский (1999) — *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

27. Шульц (1994) — *Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994.

28. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 91. Д. 19; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 1; Д. 224; Ф. 8664. Оп. 1. Д. 1-13; Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24.